

UNITED WISDOM

Атман и анатман: где заканчивается сходство

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-29-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Атман и анатман: где заканчивается сходство

«Это Истинное. Это Самость».

«Чхандогья-упанишада», VI.8.7, фрагмент; наш перевод с английского F. Max Müller, 1879: VI.8. Высказывание обращено к Шветакету внутри наставления; оно не выдаётся за общую позицию всех индийских школ.

Можно снять с себя должность, привычную роль, старое описание характера. Но что останется после этого? Для одного учения вопрос ведёт к поиску более глубокого основания. Для другого — к проверке самой потребности объявить что-либо окончательным «я».

О чём эта статья

Атман и анатман часто представляют как два способа сказать одно: человек больше своего повседневного эго. Такое приближение помогает начать разговор, но быстро скрывает существенное расхождение. В этой статье атман рассматривается по конкретным упанишадическим фрагментам, а буддийское отрицание постоянного самостного основания — по философскому анализу и диалогу «Вопросов Милинды». Мы различим личную историю, условное обозначение человека и утверждение о неизменной основе опыта. Покажем, почему критика поверхностной самоидентификации может вести к разным выводам, и почему вопрос о нравственной ответственности не исчезает вместе с отказом от постоянного «я». Это сравнение выбранных позиций, а не сведение всего индуизма и буддизма к одному спору. Практическая часть предложит внимательно разобрать собственное высказывание о себе, сохраняя границу между обычным размышлением и религиозным путём освобождения.

I. Сначала нужно уточнить, какое «я» обсуждается

Слово «я» выполняет несколько задач. Им человек обозначает себя в разговоре, рассказывает историю, принимает обязательство и выражает переживание. Из наличия этого слова не следует автоматически теория неизменной души. Но и изменение рассказа о себе ещё не опровергает любую философскую концепцию субъекта. Поэтому спор об атмане и анатмане начинается с различения уровней.

Первый уровень — повседневная личность: имя, биография, отношения, способности. Второй — переживание от первого лица: то, что боль или радость даны кому-то как

собственные. Третий — философское основание: существует ли неизменное «я», не сводимое к меняющимся процессам? Эти уровни связаны, но не взаимозаменяемы. Когда их смешивают, аргумент о непостоянстве характера превращается в слишком быстрый вывод обо всём человеке.

Атман — санскритское слово с диапазоном употреблений, которое в рассматриваемых упанишадических местах означает самость, внутреннее основание. Палийское анатта и санскритское анатман указывают на отсутствие или непризнание такого самостного статуса. Но значение конкретной формулы следует определять в её аргументе. Нельзя вывести всё учение только из строения слова.

Условный пример: человек говорит «я уже не тот, каким был десять лет назад». В обычной речи это сообщение об изменениях. Оно не означает, что прежние обещания теперь принадлежат совершенно постороннему существу. И оно не доказывает, что под изменениями обязательно скрывается вечная сущность. Философская работа начинается там, где мы спрашиваем, что именно должно объяснить утверждение о тождестве.

Для сравнения полезно временно отказаться от слова «эго». В популярной речи оно может означать самодовольство, границы личности, самоописание или любой интерес к себе. Если заменить им и атман, и предмет буддийской критики, различие будет стерто ещё до чтения. Лучше назвать отдельный вопрос и восстановить, что каждый текст считает подходящим ответом.

В обыденном разговоре человек может сказать о поступке: «Это был не я». Иногда он имеет в виду, что был непривычно раздражён. Иногда пытается уклониться от ответственности. Иногда замечает разрыв между своим идеалом и действием. Эти смыслы нельзя перенести в философское понятие не-я только потому, что русские слова похожи. Ни одна из таких реплик сама по себе не воспроизводит буддийский аргумент.

Здесь полезно различить три уровня вопроса. Первый касается узнавания себя: считаю ли я переживание характерным для собственной биографии? Второй — присвоения: называю ли я событие своим и на каком основании? Третий — онтологии: какую постоянную сущность предполагаю за последовательностью событий? Это авторское различение помогает читать, но не утверждается как общий классификатор всех исторических школ. Переход между уровнями требует отдельного объяснения.

II. Упанишадический поиск направлен к основанию

В «Чхандогья-упанишаде» учитель Уддалака разговаривает с Шветакету о том, что позволяет понять многообразие вещей. В VI.1 используются примеры материала и произведённых из него форм; в VI.8.7 связь тонкого основания существующего и самости выражена известным обращением к ученику. Перед нами не просто предложение повысить самооценку, а исследование основы реальности.

Важна сама направленность вопроса. Необходимо понять, что делает возможным видимое разнообразие и как человек относится к этому основанию. Атман в таком разговоре нельзя приравнять к набору предпочтений. Если привычки меняются, это ещё не касается предмета утверждения в том смысле, в каком обсуждаются основание и самость.

Однако первичный текст нельзя без оговорок превратить в единое готовое учение всех индийских школ. Упанишады содержат разные образы и способы рассуждения, а последующая интерпретация строит из них неодинаковые системы. Даже перевод выбирает слова, способные сблизить фрагмент с определённой философией. Поэтому полезно говорить: «В этом месте предлагается такая связь», а затем отдельно обсуждать более позднее чтение.

Для современного человека ход от множества форм к основанию может быть понятен через обычный вопрос о том, что сохраняется при перемене. Но сходство вопроса не делает бытовой ответ метафизическим доказательством. Например, общая привычка в разных ситуациях — наблюдаемый повтор; самость как основание бытия — гораздо более сильное утверждение. Между ними нельзя перейти только по звучанию слова «основа».

Текст приглашает искать глубже того, что первым бросается в глаза. При этом глубина здесь имеет конкретное содержание: отношение видимого к тому, благодаря чему оно существует. Если убрать этот предмет и оставить лишь призыв «быть собой», получится полезная, возможно, современная фраза, но не точное изложение упанишадического вопроса.

III. Атман не совпадает с образом успешной личности

В «Катха-упанишаде», I.3.3–9 человек описывается через образ колесницы: тело, чувства, ум и рассудок имеют различные роли, а атман представлен как её владелец. Этот образ предполагает различение действующих частей и того, ради кого совершается движение. Он не сводится к современному совету лучше управлять эмоциями.

Подобное различение меняет смысл самопознания. Если я знаю, что люблю определённую еду и предпочитаю работать утром, я узнал что-то о себе в повседневном смысле. Но такое знание ещё не отвечает на вопрос о самости в рассматриваемом тексте. Биографическое описание и духовно-философское познание имеют разные предметы, хотя могут взаимодействовать в жизни человека.

Поэтому критика поверхностного «я» вполне совместима с утверждением атмана. Можно считать, что человек ошибочно отождествляет себя с преходящими свойствами, именно потому, что существует более глубокое основание. Отказ от должности, тщеславия или привычного рассказа не обязательно ведёт к отрицанию самости. Он способен служить поиску того, что этими вещами не исчерпывается.

Трудность появляется, когда это различение используют как лёгкое освобождение от ответственности. Условное «мой настоящий атман не затронут» не отвечает на вопрос, кто причинил вред и что нужно исправить. Философское описание основания не отменяет отношений в мире действий. Чтобы понять конкретную традицию, требуется смотреть также на её учение о поступке, обязанности и пути, а не изолировать одну вдохновляющую формулу.

Для сравнения важно удержать две мысли одновременно. Атман нельзя считать просто увеличенным бытовым эго. Но из этого не следует, что он равен буддийскому анатману. Обе позиции могут критиковать нашу привычную идентификацию, однако одна из них направляет вопрос к иному основанию. Именно наличие или отсутствие такого основания становится центральным различием.

IV. Буддийская критика исследует состав и условия опыта

В буддийском анализе внимание направляется на изменяющиеся составляющие опыта и на то, как человек присваивает их как «моё» или «я». В академической статье Марка Сидеритса Buddha, раздел 3, рассматриваются доводы о непостоянстве и контроле, а также проблема объяснения личной непрерывности без постоянной самости. Эти доводы следует читать как философскую работу, а не как лозунг о несуществовании людей.

Вопрос меняется: что даёт право объявить данный элемент неизменным владельцем остальных? Тело меняется, переживания возникают и исчезают, представления не сохраняются в одной форме. Но для строгого рассуждения мало перечислить изменения. Необходимо выяснить, предполагает ли предмет поиска постоянство, независимость и власть над опытом, а затем проверить, обнаруживается ли что-либо с такими свойствами.

Это позволяет увидеть, почему анатман не равен обычному скромному поведению. Человек может быть вежливым и при этом считать свою самость вечной. Может

отказаться от хвастовства, не меняя метафизического убеждения. Буддийская критика касается основания самоотождествления, а не только социально неприятной черты характера.

Её также нельзя представлять как требование ненавидеть себя. Отрицание определённой теории не тождественно отрицательной оценке живого человека. Когда философ говорит, что личность не имеет самостоятельного неизменного ядра, он ещё не сообщает, что чужая боль не важна или что обещания не имеют смысла. Такие практические выводы требуют отдельного обоснования и могут противоречить самому пути, внутри которого возник анализ.

Сравнение с упанишадическим поиском оказывается содержательным именно здесь. Один ход мысли спрашивает, что является подлинной самостью за изменениями. Другой исследует, на каком основании мы вообще придаём элементам опыта такой статус. Одинаковая неудовлетворённость поверхностным самоописанием ведёт к различным направлениям вопроса. Свести их к общему совету «не цепляться за эго» — значит потерять самый интересный участок разговора.

V. Колесница у Нагасены не ищет скрытого пассажира

В «Вопросах Милинды», книге II, главе 1, §1 Нагасена предлагает царю разобрать обозначение колесницы через её части. Название применяется при соответствующем составе, не требуя отдельного предмета за ним. Аналогия используется для объяснения имени человека и отношения между обозначением и составляющими. Это позднейший буддийский диалог, а не запись современной беседы и не универсальный ответ всех буддийских школ.

Особенно легко ошибиться, если увидеть в нём ту же колесницу, что в упанишаде, и объявить их тождественными. В первом случае образ распределяет роли внутри структуры. Во втором исследование частей помогает проверить, какой статус имеет целое, названное словом. Общий предмет изображения не гарантирует общего философского вывода.

В условном современном примере можно разобрать слово «команда». Ни один участник не является командой целиком; вне людей, отношений и совместной деятельности отдельную команду тоже трудно показать. Но из этого не следует, что команды не выигрывают соревнования и не выполняют работу. Обозначение способно быть практически осмысленным без отдельной неизменной сущности за ним. Это наш поясняющий пример, а не историческое содержание буддийского текста.

Для личности проблема сложнее: здесь присутствуют переживание, память, намерение и ответственность. Поэтому аналогия колесницы не должна восприниматься как

окончательное решение всех вопросов о сознании. Она делает конкретную работу — оспаривает необходимость искать особый самостоятельный предмет там, где функционирует состав и условное обозначение.

Полезность образа состоит в том, что он заставляет уточнить требование к существованию. Не всё, что имеет имя и действует в нашей жизни, обязано существовать одинаковым способом. Сказать «условно обозначено» не обязательно означает «бессмысленно». Но также нельзя автоматически сделать отсюда вывод о природе любого целого. Аналогия открывает философское исследование, а её область следует сохранять.

VI. Сходство действительно есть, но оно ограничено

Обе рассматриваемые линии способны ставить под вопрос наивное отождествление с изменчивым набором качеств. Должность, возраст, настроение и репутация не дают простого окончательного ответа на вопрос «кто я». В этом отношении сравнение продуктивно: оно показывает, что критика обыденной идентификации не принадлежит одной школе.

Но дальше появляется развилка. Можно считать, что недостаточность меняющихся свойств указывает на более глубокую самость. Можно, напротив, исследовать, не является ли поиск независимого владельца ещё одной формой присвоения. Эти ответы отличаются не уровнем душевной глубины, а устройством довода. Сторонник каждого должен объяснить собственный переход.

Важно не объединять позиции через слово «свидетель». Если в одной интерпретации свидетель — неизменная основа, а в другой речь идёт о внимательном наблюдении возникающих процессов, сходство действия наблюдения не устанавливает одинаковую онтологию. «Я замечаю мысль» и «существует вечный наблюдатель» — разные утверждения. Второе не следует из первого без дополнительных предпосылок.

Условный человек после трудного разговора обнаруживает, что его гнев прошёл. Он может сказать: «Я больше этой эмоции». В практическом смысле это полезное различение между эпизодом и всей жизнью. Но оно не решает спор об атмане. Наблюдение изменившегося состояния совместимо с несколькими философскими объяснениями. Собственный опыт требует толкования, а толкование — честного указания оснований.

Можно ценить обе линии как источники вопросов, не заставляя их согласиться. Одна напоминает, что привычная история о себе не исчерпывает предельный предмет исследования. Другая требует проверить, не превращается ли наше стремление к основанию в непрозрачное допущение. Здесь сходство работает как начало беседы, а

различие сохраняет способность каждой позиции что-то действительно утверждать и оспаривать.

VII. Различается не только ответ, но и понимание знания

Веданта не образует один лагерь по другую сторону буддийского отрицания. В академическом обзоре Уильяма Уэйнрайта сопоставлены адвайта и вишишта-адвайта: первая не приписывает предельному Брахману внутреннего разнообразия, вторая сохраняет личное высшее с благими свойствами. Спор затрагивает возможность познать реальность, которой нельзя приписать свойства. Concepts of God,§2, архив 2007. Так вопрос о Самости уже внутри веданты оказывается связан с вопросом о статусе различий.

Чтобы понять развилку, рассмотрим собственный аналитический пример. Мы узнаём вещь, отличая её от других: называем форму, свойства, отношения. Если предельное основание не может быть отличено таким способом, обычное определение не достигает цели. Но из неудачи определения ещё не следует несуществование предмета. Следующий спор будет касаться того, признаётся ли иной вид знания и как можно обосновать его отличие от простого незнания.

Обратная трудность возникает, если свойства признаны реальными. Тогда отношения знания и любви способны иметь предмет, сохраняющий различие с познающим. Однако нужно объяснить, как это согласуется с утверждением единства основания. Отказ от различий и включение различий в единство предлагают разные задачи, а не две эмоциональные версии одной идеи. Даже слово «познание» здесь перестаёт быть нейтральным мостом: каждая позиция должна уточнить, что именно оно допускает.

Этот внутренний спор важен для нашей пары. Нельзя сначала представить всякое учение об атмане как поиски скрытого неизменного предмета, а затем одним буддийским разбором частей считать закрытой всю веданту. Нужно выяснить, что именно утверждает выбранная позиция: предмет со свойствами, предельное основание или иной тип знания. Разобранный диалог о колеснице не отвечает автоматически на все три формулировки.

Буддийскую сторону мы здесь ограничиваем анализом, представленным у Нагасены и в академической реконструкции учения Будды. История последующих школ требует других источников. Эта граница не заменяет содержание: она позволяет точно назвать уже найденное расхождение. В одном случае единство ищется через отношение к основанию; в другом проверяется, можно ли выделить независимую личность среди составляющих и вне их. Дальнейшее сравнение должно следовать за конкретным доводом, а не за привычной картой «утверждающих» и «отрицающих» культур.

VIII. Непостоянство не освобождает от ответственности

Если постоянное «я» не признаётся, возникает понятный вопрос: кто отвечает за поступок и кто получает его последствия? Его нельзя отмахнуть как наивный. Он показывает, какую работу привычно выполняет понятие личности. Для серьёзного ответа требуется различить неизменную сущность и связь между действием, намерением, отношениями и последующими состояниями.

В обычной жизни мы признаём ответственность изменившегося человека. Его характер может стать иным, воспоминания — неполными, отношение к поступку — критическим. Однако он способен признать причинённый вред и участвовать в исправлении. Для этого не требуется доказать, что ни одна его черта никогда не менялась. Требуется понятная связь с действием и сторонами отношений.

Это современное пояснение не является доказательством всей буддийской теории кармы и перерождения. Оно показывает более узкое положение: изменение и ответственность не образуют очевидного логического противоречия. Для религиозной картины нужны её собственные основания. Нельзя выводить космологию из примера с обычным обещанием.

С другой стороны, утверждение глубокой самости также не делает нравственный вопрос решённым автоматически. Если человек считает себя причастным вечному основанию, остаётся необходимость понимать последствия действий здесь и сейчас. Он не получает права пренебречь чужим переживанием только потому, что оно названо преходящим. Метафизическая дистанция и нравственное равнодушие не являются одним и тем же.

Таким образом, обе линии требуют сопротивляться удобной подмене. Анатман не должен превращаться в оправдание «некому отвечать». Атман — в оправдание «подлинное я ничего не совершало». Философское исследование способно изменить понимание личности, но не заменяет внимательного отношения к конкретному вреду, обязательству и возможному исправлению. Если из красивой формулы немедленно выводится снятие всей ответственности, стоит проверить сам переход.

IX. «Не-я» и «не моё»: три разных отрицания

Начнём с обычной фразы «это не моё». Говорящий может отказаться от собственности, от авторства решения или от обязанности. Во всех трёх случаях он остаётся предполагаемым участником отношений. Поэтому одно отрицание принадлежности ещё не является отрицанием субъекта. Этот простой логический пример помогает заметить, насколько далеко иногда продвигают вывод, опираясь на слишком короткую формулу.

Теперь рассмотрим фразу «эта эмоция — не весь я». Она отрицает тождество конкретного состояния и целого человека. Совместима ли она с постоянной Самостью? Возможно. Совместима ли с пониманием человека через изменяющиеся условия? Также возможно. Мы получили общий отказ сводить человека к одному состоянию, но ещё не выбрали объяснение того, что делает его человеком. Именно здесь сходная практическая речь часто скрывает разные философские обязательства.

Третье отрицание сильнее: среди исследуемых составляющих и помимо них не установлен отдельный независимый владелец. Рассуждение Нагасены о колеснице позволяет поставить этот вопрос к обозначению личности. Диалог,II.1.1. Это не бытовой отказ отвечать за поступок и не фраза «меня не существует». Из того, что именование зависит от совокупности, не следует, что имя перестало иметь понятное применение. Здесь различаются независимая сущность и обычная речь о человеке.

Такую последовательность удобно сравнить с выбранным образом «Катха-упанишады». Там отношение владельца и средств пути заранее участвует в объяснении. I.3.3–9. Если назвать чувства средствами, это ещё не отрицает владельца; наоборот, образ сохраняет его роль. Если искать владельца как ещё одну часть колесницы, мы уже изменяем условие метафоры. Прежде чем судить об одинаковом «не-я», нужно выяснить, что каждая сторона исключает и что продолжает утверждать.

Проверим различие на обещании. Человек говорит, что прежняя раздражительность больше не выражает его отношение к близкому. Это изменение самоописания. Он говорит, что не считает раздражение своей неизменной природой. Это отказ от одного объяснения. Наконец, он утверждает, что вообще не существует постоянного носителя состояний. Это отдельный философский тезис. Все три фразы могут относиться к одному эпизоду, но третья не доказана первыми двумя. Обещание исправить поступок также не исчезает ни на одном из этих шагов.

Поэтому отрицание стоит читать вместе с его объектом. Отрицаются принадлежность, исчерпывающее тождество или независимое существование? Пока это не уточнено, примирение атмана и анатмана получается слишком легко: из обеих позиций удаляется именно то, из-за чего они могли бы не согласиться. После уточнения остаётся предмет для серьёзного разговора — можно ли обосновать постоянство основания и что считать достаточным доводом для такого обоснования.

X. Где следует остановить примирение

Сходство между атманом и анатманом заканчивается там, где критика поверхностной идентификации превращается в ответ о предельном основании. Если одна позиция его утверждает, а другая оспаривает такой статус, нельзя объявить различие только словесным. Для этого понадобился бы новый аргумент, которого не даёт одно ощущение духовной близости.

Можно предложить собственный синтез. Но тогда следует назвать его авторским решением и показать, что именно в исходных позициях изменено. Синтез не должен приписывать древним авторам согласие, которое они не выражали. Читатель имеет право увидеть стоимость примирения: какие положения сохранены, какие отвергнуты, какие получили новое значение.

Также допустимо оставить вопрос открытым. Понимание различия уже может быть существенным результатом. Человек начинает замечать, когда выражение «я больше своей роли» означает практическое наблюдение, а когда становится утверждением о вечной самости. Видит, почему отсутствие неизменного ядра не равно отсутствию живого опыта. Слышит философский спор вместо борьбы двух лозунгов.

Внимательное сравнение не заставляет выбирать веру по таблице. Оно возвращает каждому положению его предмет и основания. Чтобы принять его, требуется дальнейшая работа — интеллектуальная, а для участника религиозной традиции ещё и связанная с её образом жизни. Короткое современное упражнение не заменяет эту работу, но способно подготовить более честный вопрос.

Сняв с себя должность и старое описание, человек не обязательно получит один ответ. Он может спросить о глубокой основе или начать исследовать привычку присваивать возникающее. Эти пути соприкасаются в отказе принять первое удобное самоописание за окончательное. Дальше они расходятся. Сохранить это расхождение — значит позволить обеим традициям говорить содержательно, а себе — искать без заранее изготовленного примирения.

Что это значит на практике

Выберите одно привычное описание себя: «я всегда спорю», «я не умею просить», «я спокойный человек». Запишите рядом два конкретных эпизода, где оно выглядит верным, и один, где не подходит. Это обычное исследование самоописания, не практика достижения атмана или нирваны. Его задача — увидеть, что утверждение включает и что оставляет за пределами.

Затем уточните, что вы называете «я» в этой фразе. Речь о повторяющейся привычке, нравственном обязательстве, чувстве непрерывности или претензии на неизменную сущность? Скорее всего, повседневное высказывание не делает всех этих утверждений сразу. Но сильное слово «всегда» способно незаметно их сблизить. Уточнение снижает вес того, что не было установлено.

Попробуйте две переформулировки. Первая: «Это свойство не исчерпывает меня». Вторая: «Это свойство возникает при таких-то условиях». Они не одинаковы. Первая сохраняет вопрос о том, что находится за свойством; вторая направляет внимание на его возникновение. Обе могут быть полезны, но ни одна сама по себе не подтверждает метафизическое учение.

Условный пример: человек говорит, что всегда уступает. При рассмотрении эпизодов выясняется, что он уступает старшему родственнику, но уверенно спорит с коллегой. Новое описание становится конкретнее: «В этих отношениях мне трудно возражать». Такое изменение не требует решить спор об атмане. Оно помогает вернуть различия, которые были скрыты тотальной фразой о личности.

Завершите упражнение вопросом о последствиях нового описания. Что теперь можно заметить или сделать иначе? Возможно, потребуется уточнить просьбу, выбрать время разговора или просто отказаться от слишком жёсткого ярлыка. Маленький практический результат не следует выдавать за духовное освобождение. Его достаточно ценить в собственном масштабе: человек научился говорить о себе точнее и оставил открытым то, чего пока не знает.

Ключевая цитата

> *«Она подпадает под общепринятый термин, обычное обозначение „колесница“».*

Царь Милинда в «Вопросах Милинды», II.1.1; наш перевод фрагмента с английского T. W. Rhys Davids, 1890: диалог. Это ответ царя после вопросов Нагасены, затем принятый для аналогии с обозначением человека. Слова не приписываются Нагасене как его собственная реплика.

Связи между традициями

Это аналитические сопоставления; установленное историческое влияние не утверждается.

Позиции и источники	Реальное сходство	Граница сопоставления
«Катха-упанишада», I.3.3–9 и «Вопросы Милинды», II.1.1	Оба текста используют колесницу, чтобы уточнить представление о человеке.	Владелец колесницы и условное обозначение колесницы выполняют разную работу; метафора не доказывает общего учения о Самости.
«Чхандогья», VI.8 и буддийский аргумент о не-я, обзор §3	Оба подхода обсуждают, что может считаться основанием личности.	Упанишадическое наставление о Самости и отрицание постоянного контролирующего я расходятся в том, что должно быть признано основанием.
«Чхандогья», VI.8 и Спиноза, «Этика», I, определение VI	Философский вопрос выходит за пределы биографического образа отдельного человека.	Атман в наставлении и бесконечная субстанция в определении Спинозы не взаимозаменяемы. Это сопоставление вопросов, не доказанное заимствование.
«Вопросы Милинды», II.1.1 и Катехизис, §1025	Обе позиции требуют уточнить смысл личной идентичности.	Условное обозначение составного человека и сохранение личной идентичности в небесном общении предлагают разные ответы; общая тема не стирает расхождения.
«Катха-упанишада», I.3.3–9 и «Бхагавадгита», XII	Понимание человека связано с дисциплиной отношения к жизни и высшему.	Образ организации чувств и разума не равен главе о преданности и обращении; принадлежность к широкому индийскому контексту ещё не делает аргументы одинаковыми.

Первоисточники

• «Чхандогья-упанишада», VI.1 и VI.8, перевод F. Max Müller, Sacred Books of the East, vol. 1, 1879. Вопрос основания и обращение к Шветакету.

• «Катха-упанишада», I.3.3–9: The Upanishads, перевод и комментарий Swami Paramananda, 1919. Атман в образе колесницы.

• Mark Siderits. Buddha, Stanford Encyclopedia of Philosophy, §3. Философская реконструкция критики самости; не текст единого межшкольного консенсуса.

• «Вопросы Милинды», книга II, глава 1, §1: The Questions of King Milinda, перевод T. W. Rhys Davids, 1890. Условное обозначение личности и пример колесницы.

• William Wainwright. Concepts of God, Stanford Encyclopedia of Philosophy, архивная редакция Spring 2007. Пример различий адвайты и вишишта-адвайты.

• Бенедикт Спиноза, «Этика», I, определение VI, перевод R. H. M. Elwes: текст. Первичный перевод; прочитано определение и ближайший контекст для аналитической строки таблицы.

• Катехизис Католической церкви, §§1023–1029. Официальное самоописание; прочитан весь этот раздел, используется §1025 для границы сравнения.

• «Бхагавадгита», XII, Edwin Arnold, 1885: текст. Первичный поэтический перевод; глава прочитана целиком для сопоставления двух индийских текстов.

Теги

атман, анатман, Самость, не-я, буддизм, упанишады, веданта, личность, идентичность, непостоянство, колесница, Нагасена, Милинда, Катха, Чхандогья, составность, опыт, ответственность, философия, освобождение, знание, перевод, сравнение традиций, различие, Спиноза, христианство, Бхагавадгита, первоисточники, интерпретация, пределы аналогии

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.